

ЕГО ИМЕНИ НЕ БЫЛО В КНИГЕ ПАМЯТИ

ОЧИРОВ НОМОГОН ОЧИРОВИЧ (1904-1945 гг.)

«Имени нашего отца, отдавшего службе в армии четыре военных года, нет в Книге Памяти,— с болью говорит сын Очирова Номогона Очировича Няндык Номогович.— Нас осталось восемь детей. Уже трудно сосчитать внуков и правнуков погибшего отца. Для них бережем мы память о нем, его фотографии, строки фронтовых писем. В районной Книге Памяти, печатавшейся в «Бичурском хлеборобе», имя отца хоть и искаженное, было. Я внес уточнения в Бичурский райвоенкомат. Но, увы, отец оказался забытым в издании 1995 года. Утешает то, что работа над Книгой Памяти не закончена, ибо не один он остался за пределами поминального списка. И мы продолжаем надеяться на справедливость».

Обидно быть вычеркнутым не только из списков живых, но и мертвых. Впрочем, в родном улусе Гутай на памятнике воинам землякам имя Номогона Очировича, конечно же, значится. Потому что и сейчас есть еще люди, которые помнят, как 9 мая сорок пятого года на митинге председатель колхоза Бато Бадмаевич Бадмаев после поздравления с победой, зачитал извещение, адресованное жене Н. О. Очирова: «Ваш муж и отец пал смертью храбрых в боях за социалистическую родину...». Последнее письмо от смертельно раненого отца придет уже после победы.

Как-то мне пришлось побывать в Гутае на День Победы, земляки, ровесники Номогона Очировича вспомнили своих павших и без вести пропавших боевых друзей, рассказали о том, что запало в сердце. Нестареющая классика: «Бойцы вспоминают минувшие дни...». А вот присутствующие на празднике дети Н.О.Очирова, они же активнейшие его организаторы, вспоминали иное: руки, голос, улыбку отца. И бесконечные переезды. В те времена активисты, партийные и советские работники мало принадлежали себе: ехали, куда направляли, командировали, рекомендовали...

Еще они вспоминали детские мечты: вот приедет папка с фронта, посадит на широкие плечи и все увидят, какой он герой и как хорошо мы заживем с отцом. Дети выросли, все подучили образование, специальности, они стали уважаемыми людьми, достойными отца. Естественно и понятно их желание напомнить землякам-бичурцам еще об одном рядовом Великой Отечественной. Воспроизвожу рассказ старшего сына, Няндыка Номогоновича. В деталях, подробностях биографии встает живой облик Номогона Очировича.

«Мой отец родился в 1904 году в улусе Гутай в семье крестьянина-середняка Доржиева Очира. По словам матери и соседей — стариков, знаю, что несколько лет отец работал переводчиком с монгольского на русский, был первым председателем Гутайской коммуны. Драматическим моментом его жизни были мартовские события 1930 года. Местные кулаки в Шибертуйе арестовали активистов: учителей, комсорга, избача. Отец, ничего не подозревая, приехал со своим кучером Бадмаевым Шойдором из Гутая в Шибертуй. Арестованных уже закрыли в школе, поставили охранником одного из гутай-

ских мужчин. Увидев отца, тот поспешил сообщить, что кулаки поднялись против советской власти, а Номогона Очировича собираются схватить. Трое всадников заметили его. Началась погоня. Отец отстреливался на ходу. Оторвавшись от преследования, верхом на конях он вместе с учителем гутайской школы Ринчино Бадма-Доржи направились через хребет в район-центр, в Мухоршибирь. Отец и сообщил первым о восстании в Шибартуе. Помню слова бывшего министра соцобеспечения Эрдыни Санжиевича Юндунова, с большим теплом отозвавшегося об отце: «Если бы тогда он не приехал вовремя в Мухоршибирь, погибли бы все 18 человек, задержанные повстанцами. Наш отряд не успел бы спасти их. В Шибартуе для расправы свезли активистов из Дабатуя, Гутая, Амгалантуя. Четверых подвергли мученической гибели, выколол жертвам глаза, отрезав уши, носы. Пятый участковый милиционер Платонов был застрелен у крыльца своего дома в Шибартуе. Бывший работник КГБ (НКВД) Ендон Цыбикович Цыбиков вспоминал: «Твоему отцу часто приходилось ночевать не дома, а на работе. Как сейчас вижу: спит в одном из кабинетов райкома партии, подложив под голову седло и не выпуская из рук винтовку».

У отца было много друзей, как среди бурят, так и среди русских. Один из них был Ермолай Логинович Петров.

Летом тридцать первого года отец был направлен на областные курсы райпартактива. Здесь учились партработники из Бохана, Аги, Алари, Бурятии. Начались наши переезды. Тарбагатай. Отец работал здесь инструктором райкома. Гутай и Шанага. Его избирают председателем сельсоветов. В 1938 году переводят в улус Харлун, где он становится председателем колхоза им. Кирова. Как везде, и здесь отец отдавал работе всего себя. Колхоз за хорошие показатели получил от района премию: мотоцикл «Красный Октябрь». В те времена, когда велосипед и телефон были редкостью, мотоцикл казался чудом техники. Харлунцы-старики до сих пор с уважением вспоминают своего председателя. Перед войной мы переехали в Бичуру; отца перевели на должность председателя промартели им. Тельмана. Там он, кроме основной работы, организовал ловлю рыбы в Хилке, обжиг кирпича. Стали гнать деготь из коры березы. Работали сапожная мастерская, пошивочный цех. С началом войны пошивочный цех сразу перешел на пошив комбинезонов для танкистов и шоферов. Помню, отец приносил домой работу для матери. Мы, дети, делали для пуговиц петли и обметывали их.

22 июля 1941 года отец добровольцем ушел в армию. Сначала служил на станции Мальта Иркутской области. Учился минометному делу. Орпью сорок первого около семидесяти солдат, в основном из нашего района, привезли в Новостретино на сельхозработы. Убирали хлеба. Отец был назначен старшим. Пришлось ему служить и в воинской части 99-го завода (авиационная часть). Однажды зимой (у нас, школьников, были каникулы) отца командировали в Бичурский район для добычи коз. Надо было обеспечить свою часть мясом. Это была последняя встреча, перед отправкой на Запад. В сорок четвертом году он окажется в Молдавии, в районе

Кишинева. Подробностей, его участия в боевых действиях я не знаю, но именно в день победы, когда ликовал весь народ, рухнули наши надежды на встречу с отцом.

А так хорошо начинался тот майский день! Услышав по радио о капитуляции Германии (этого события ждали со дня на день), я побежал в огородную бригаду сообщить новость. Там бригадиром работала наша мама Эрдынеева Чимитсу. Как радовались женщины! И вдруг на митинге мы узнали страшную весть о гибели отца. Несколькими днями позже получили письмо, написанное из госпиталя отцовской рукой. Мы едва смогли разобрать его.

«Мои родные. Я смертельно ранен близ станции Новоукраинка в стычке с бандеровцами. Шансов на выздоровление нет. Дорогая жена, береги мою старенькую мать и учи, как можешь, детей в школе. Я ранен 11 апреля».

Почти одновременно с письмом отца пришло письмо от главного врача Кировоградского госпиталя:

«Ваш отец, сын и муж Очиров Номогон, был доставлен к нам 11 апреля 1945 года со сквозным проникающим ранением грудной клетки. Ему была оказана немедленная помощь. Влили около трех с половиной литров крови. Улучшение не наступило. Ранен в область сердца. Он умер около двенадцати часов ночи 15-го апреля 1945 года. Похоронен на общем кладбище в отдельной могиле. По словам доставивших его военных, он был ранен при задержании бандеровцев в лесу, недалеко от железнодорожной станции Новоукраинка. При перестрелки сразу его забрать не смогли. Он долго лежал и потерял много крови».

Тогда же в апреле—мае сорок пятого года мы получили несколько писем от незнакомой женщины из города Кировограда Евгении Андреевны Лисовской. Вот что она нам сообщила:

«Пишу под диктовку вашего мужа, сына и отца. Дорогие жена, дети, мать. Я тяжело ранен в стычке с бандитами. Умирать не хочется, но, наверное, придется. Живите, растите и учите детей».

Дальше приписка Евгении Андреевны.

«Мне тяжело вам сообщать, что ваш отец находится в таком тяжелом состоянии. Левая сторона лица опухла. Ему делали переливание крови. Еще будут, но кровь все время сочится сквозь бинты на груди. Я знаю по себе, как тяжело жить, не зная, где погиб и жив ли родной человек. Мой брат в этой проклятой войне пропал без вести. Я ничего не знаю о нем и очень сочувствую вам. Ваш отец лежал почему-то без подушки. Я позвала врача, и вместе отругали сестру этой палаты. Я работаю конструктором в конструкторском бюро завода «Красный Октябрь». Пришла сюда навестить нашего заводского рабочего и увидела в палате вашего отца в таком состоянии. Он говорит, что у него восемь детей. Мне жаль вас, дорогие дети. Я буду приходить, и навещать вашего отца.

С уважением Женя»,

Так завязалась наша переписка с незнакомой сердечной женщиной. А спустя двадцать пять лет в Улан-Удэ произошла короткая встреча моих

братьев и сестер с Евгенией Андреевной. Она с мужем ехала из Москвы во Владивосток. Я не мог повидать ее, т. к. жил на Крайнем Севере, но надеялся, получив отпуск, найти ее в Москве. Увы, отпуск дали только через год и, разыскав ее московскую квартиру, я узнал от мужа Александра Петровича, что Евгения Андреевна скончалась... Возложив венок на ее могилу на Бабушкинском кладбище. Чем я еще мог отблагодарить эту добрую женщину, скрасившую последний дни и часы нашего отца? Ее письма из непостижимо далекого сорок пятого года и письма отца стали бесценной реликвией нашей семьи»,— закончил свое повествование Няндык Номогонович Очиров.